

Из дневника директора школы

(Окончание. Начало в № 169).

НЕ ДО УЧЕБЫ

Товарищи из ОНО собирают нас, директоров, каждый понедельник. Диктуют, что и когда надо делать. Долго диктуют — до 13.00 (а с 13.00 у них обед, после которого, наверное, им диктуют).

Выходим на улицу. Настроение — воль. Ясно одно. Планы школ — по боку. Планы — романом Е. Замятином «Мы». Здорово пахнет.

Итак, что имеем, допустим, на апрель? Ритмичная работа объединений, Ленинский субботник, районный праздник знаний, учеба (конец года!), Первомайская демонстрация, родительские вдохновы, рабочий совет школы и его комиссии, Неделя милосердия, Ленинские чтения, какие-то смотры, текущая работа и что-то еще. И все это наполнено одно на другое.

Думаю об эффективности рабочего праздника знаний. Десятки людей, пропускающих уроки (и учитель тоже), недороговат конкуренция среди школ и педагогов, амбициозность и... минус эффекта. В каждой школе от 70 и за сотню неиспользующих. Удобно для товарищей из ОНО: школы, видите ли, не работают, зато ОНО провело гранитное мероприятие, честно отработало повышенную зарплату.

Когда же учиться и учить? И что еще готовится на будущее? По опыту знаю — тогдачики из ОНО не дремлют.

О ВСЕОБУЧЕ

Стю перед дверью ОНО. Мои коллеги шелестят справками, тем самым расстроены. Дверь распахивается. Входим. На встречу человеку: прыгающая похвала, понимающая улыбка. Начинается действие под сенью закона о всеобщем. У головы прощелкивает: всенародное (значи — ничье), всеобщее (значи — никакое).

— Где наш Сидоров? — звучит желанный вопрос.

— В бегах.

— Найти и посадить за парту.

— Но он три года сидел в одном классе.

— Ничего, пусть посидит четвертый. Главное, чтобы сидел — звучит безговерческий приговор.

— Где Ползунова?

— Дома. Родители устранили на работу.

— А образование?

— Говорят, наберется ума, тогда получит.

— Родителей направили на комиссию по делам несовершеннолетних, девочку за руку — и в школу.

— А если не пойдет?

— Подключите участкового. Все становится ясно. Хорошо у нас стране с образом... всеобщим. Не хочешь — дадут. Ребенок не в счет, семья — не в счет. На школах надо поменять вывески на «Удирательно-принудительное заведение». И тогда все будет соответствовать всему.

ЯБЛОКО РАЗДОР

У каждого своих способностей, свою глубину ума и останавливаются не обяза-

чувства. От этого не уйдешь — всему виной природа. Не терпит однообразия.

Всебоуч — это то же единое всеобщее (поголовное) образование, получаемое через единую систему пирамидальной формы. Прошлое время, и сейчас пирамиды за облаками, а основание разваливается на глазах...

Всебоуч — долго раздора. Например, учитель на уроке математики требует от всех одинакового усвоения пройденного материала. В силу

только, и так далее. Вывод — все остается по-прежнему, водя в течение учебного года пострадали два ученика младших классов.

Не исключено, что и школа прозвучит с высокими трибуны как неблаголучная в смысле изучения правил дорожного движения...

Иду на трамвайную остановку. И вдруг — у стола, где произошла трагедия, огненные гвоздики. Сколько их еще будет?

БОРЕМСЯ

Надо же. Вызвали в горнополком ездить на изучение материала. Начинается конфликт: с учителя требуют высказывания, учитель требует с ученика — отсюда все беды, вплоть до сердечных приступов и оторванных ушей. И это, кто виноват в этом (вершина пирамиды), оказывается еще и судьями.

Слушай, — сказал мой собеседник, — выходи ведь.

Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

У них бумаг хватает. А совещания сколько...

— Но...

Никаких но. И так слишком много «но». Хочешь людьми?

Мой собеседник встал в ущелье. Я думал просто ушел, а он совсем ушел. Из школы. Сейчас в «видике» трудится.

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— У них бумаг хватает. А совещания сколько...

— Но...

Никаких но. И так слишком много «но». Хочешь людьми?

Мой собеседник встал в ущелье. Я думал просто ушел, а он совсем ушел. Из школы. Сейчас в «видике» трудится.

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

— Пусть так. Программы практического назначения. Огромные мастерские. Кабинеты ростовых профессий. Консерватории... — И это сделает?

— ОНО.

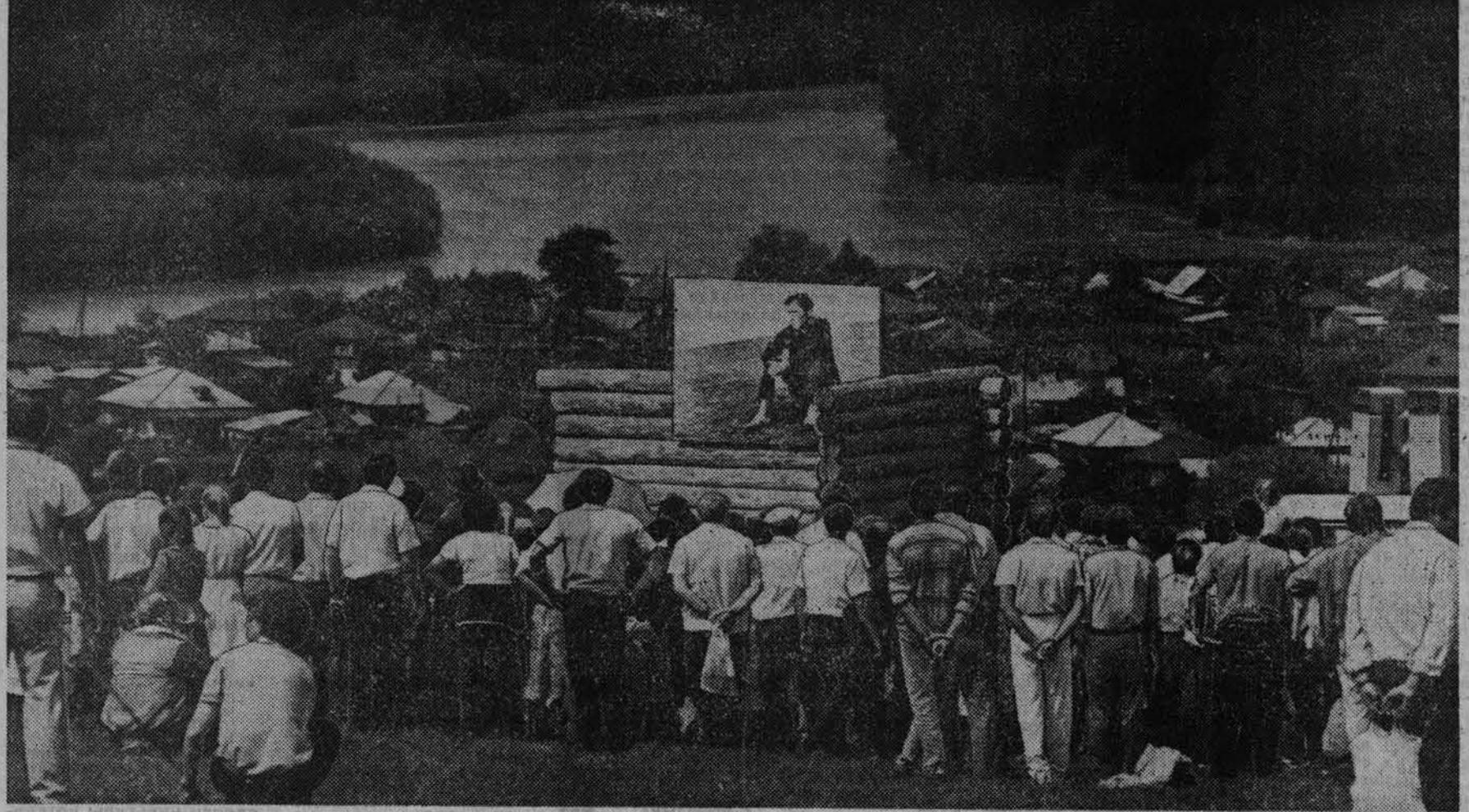
— Слушай, — сказал мой собеседник — выходи ведь.

— Какой и куда? — я отложил газету с проектом Закона о народном образовании.

— Дифференцировать обучение с 5-го класса. Представляешь, при каждой двух школах делать третью с ориентацией на рабочие профессии.

— Малые ПТУ, что ли?

ПРЯМАЯ СВЯЗЬ С ЧИТАТЕЛЕМ. ДЕНЬ — ПОНЕДЕЛЬНИК. ВРЕМЯ 18.00—20.00. ТЕЛЕФОН 23-29-54.

СРОСТИ. ПИКЕТ. 22 ИЮЛЯ. 1990 Г. НА ШУКШИНСКИХ ЧТЕНИЯХ. Фото А. Каспришина

РЕПОРТАЖ ПРОСИЛ ЧИТАТЕЛЬ

Почем килограмм нитратов?

Наверное, это здорово — иметь собственный сад. Ну, или хотя бы небольшой огород перед домом. Посадил грядку огурцов, помидоров или еще что-нибудь — и спокойен: ни тебе яда, ни интратов каких...

Остальные граждане, не облагодетельствованные собственным садовым участком, тоже хотят летом поесть свежих овощей и фруктов, а зимой — варенья из малины, смородины и прочих ягод. Когда это желание становится исподолимом, покупатель отправляется на рынок.

Торговые ряды встречают разнообразием плодов южной земли, и смуглыми лицами торговцев с юга. Издавна люди, выращивающие подпользистические фрукты под зонным южным солнцем, стремятся в Сибирь, чтобы повыгоднее продать свой товар. Хотя в последнее время даже на ташкентском рынке цены не маленькие, что известно по собственному опыту многих. Но тем не менее из года в год на «самолеты» и поезда садятся люди с корзинами и ящиками, заполненными виноградом, персиками, яблоками, едут машины, набитые арбузами и дынями. И наши покупатели, видя при виде цен и суеты на невозможность конкурирования со сторонами сибирских соотечественников, отдают свои кровные приезжим торговцам.

Ладно, с высокими ценами еще можно как-то смириться, вспомнив о пустых прилавках. Но появляющиеся времена обостряют чувство опасения об отравлениях купленными на базе фруктами настраивают покупателей на весьма недоброжелательный по отношению к продавцам лад.

Вообще, порядок такой. Выращенные фрукты и овощи должны пройти проверку на наличие интратов. Но меньше килограмма берется из партии овощей, измельчается и исследуется. Материал должен отбираться самими сотрудниками станий. Потом хозяин дает сертификат, в котором указывается дозиметрическая норма интратов и их количество, обнаруженное в овощах. Если предельно допустимая концентрация превышена, вся партия товара уничтожается. В Барнауле, на мисковских станицах рынков должен быть проведен повторный анализ.

Так подробно и рассказывая о том, как это должно быть, чтобы четче показать разницу с тем, как все делается на самом деле. Нет, сертификаты у продавцов на рынке есть. Почти у всех. Но повторный анализ, если количество интратов указано, на мисковской станици не проводится. Это открывает широкое поле деятельности для особо предпримчивых товарищ.

Представляем себе такую картину. Я выращиваю на продала дыни глыбами под зонным небом солнечного Узбекистана. А в санитарии работают мой родной брат, которому я обещала определенный процент от выручки за проданные дыни, или он просто отъявленный родственник. Какой возможный вариант здесь? Испросите, я хочу поставить под сомнение честность всех сотрудников СЭС, но — возможно?

Кстати, ситуация с предельно допустимой концентрацией интратов пока не обходится без казусов. Судите сами. Если для дынь она составляет 90 миллиграммов на килограмм, то для огурцов — 400. Получается, в огурцах интраты в четыре с лишним раза безвреднее.

В последнее время недовольство и подозрительность покупателей

товар бесплатно, наносит торговым кое-какой урон, поэтому бывает, что приходится выдерживать целые баталии. Поэтому Анна Дмитриевна сразу просит меня нам дыни поменять местом в часе маленьких...

Сразу скажу, что во всех наших пробах интратов оказалось меньше ПДК. Однако кое-какие наблюдения сделались.

На Юбилейном рынке мы попадаем в почти криминальную историю. Види, что Анна Дмитриевна направляется в сторону расположившихся табором продавцов арбузов из Азербайджана, работники миско-контрольной станции начинают волноваться: «Да вы у тех не спрашивайте, давайте лучше вот с атыми, поговорим». Азербайджанцы встречают санэпидстанцию без энтузиазма и даже враждебностью. Документов на товары никаких. «Нам директор разрешил», — машинально бросают они. Директорский кабинет оказывается запертым на все замки, однако его хозяин, В. Жареневич, не удается ускользнуть незамеченным. Правда, встретиться нам так и не удалось: директор знает все ходы-выходы вверенного ему предприятия лучше, чем мы. Справиться с физически хорошо подготовленными продавцами нам все равно бы не удалось. Когда мы возвращаемся на «поле боя», то находим его опустевшим. Так что нам остается делать выводы только на уровне предложений.

На Юбилейном рынке работа поставлена так. Анализ на мисковской станици платный, пять рублей. И приходить туда продавцы должны сами, но дожидаются, пока их «вынесут» сотрудниками станици. Но, спрашивается, зачем в пойду делать этот анализ, если знаю, что вырастали огурцы на интратах? Я возьму свои весы, встану где-нибудь на улице, и пока кто-то из врачей или контролеров меня заметит, я все продам. А смогу я это сделать потому, что врачи и контролеры на станици никак не разберутся между собой, должен ли кто-нибудь из них «материловать» на вверенной территории, и если должен, то кто. Может, поэтому все сотрудники станици в один голос уверяли, что еще раз не обнаружили в предлагаемой покупателю продукции превышение допустимой нормы интратов.

Тем не менее ясно, что из кабинета санэпидстанции ситуация проясняется далеко не так подробно, как хотелось бы: С одной стороны, в отчетах почти полная благодать, с другой — не прекрасно звонки читателей, перечисляющих симптомы отравления интратами: острые рези в животе, тошнота, слабость. Купленные хозяйствами на рынке овощи, бывает, за какую-то пару часов разлагаются даже в холодильнике до состояния месивы неопределенного состава. Интересно, как это все проходит мимо санврача? Ситуация явно не нормальная. Кто защитит наше здоровье?

Кстати, ситуация с предельно допустимой концентрацией интратов пока не обходится без казусов. Судите сами. Если для дынь она

составляет 90 миллиграммов на килограмм, то для огурцов — 400. Получается, в огурцах интраты в четыре с лишним раза безвреднее.

В последнее время недовольство и подозрительность покупателей

товара бесплатно, наносит торговым кое-какой урон, поэтому бывает, что приходится выдерживать целые баталии. Поэтому Анна Дмитриевна сразу просит меня нам дыни поменять местом в часе маленьких...

Сразу скажу, что во всех наших пробах интратов оказалось меньше ПДК. Однако кое-какие наблюдения сделались.

На Юбилейном рынке мы попадаем в почти криминальную историю. Види, что Анна Дмитриевна направляется в сторону расположившихся табором продавцов арбузов из Азербайджана, работники миско-контрольной станции начинают волноваться: «Да вы у тех не спрашивайте, давайте лучше вот с атыми, поговорим». Азербайджанцы встречают санэпидстанцию без энтузиазма и даже враждебностью. Документов на товары никаких. «Нам директор разрешил», — машинально бросают они. Директорский кабинет оказывается запертым на все замки, однако его хозяин, В. Жареневич, не удается ускользнуть незамеченным. Правда, встретиться нам так и не удалось: директор знает все ходы-выходы вверенного ему предприятия лучше, чем мы. Справиться с физически хорошо подготовленными продавцами нам все равно бы не удалось. Когда мы возвращаемся на «поле боя», то находим его опустевшим. Так что нам остается делать выводы только на уровне предложений.

На Юбилейном рынке работа поставлена так. Анализ на мисковской станици платный, пять рублей. И приходить туда продавцы должны сами, но дожидаются, пока их «вынесут» сотрудниками станици. Но, спрашивается, зачем в пойду делать этот анализ, если знаю, что вырастали огурцы на интратах? Я возьму свои весы, встану где-нибудь на улице, и пока кто-то из врачей или контролеров меня заметит, я все продам. А смогу я это

делать потому, что врачи и контролеры на станици никак не разберутся между собой, должен ли кто-нибудь из них «материловать» на вверенной территории, и если должен, то кто. Может, поэтому все сотрудники станици в один голос уверяли, что еще раз не обнаружили в предлагаемой покупателю продукции превышение допустимой нормы интратов.

Тем не менее ясно, что из кабинета санэпидстанции ситуация проясняется далеко не так подробно, как хотелось бы: С одной стороны, в отчетах почти полная благодать,

с другой — не прекрасно звонки читателей, перечисляющих симптомы отравления интратами: острые рези в животе, тошнота, слабость. Купленные хозяйствами на рынке овощи, бывает, за какую-то пару часов разлагаются даже в холодильнике до состояния месивы неопределенного состава. Интересно, как это все проходит мимо санврача? Ситуация явно не нормальная. Кто защитит наше здоровье?

Кстати, ситуация с предельно допустимой концентрацией интратов пока не обходится без казусов. Судите сами. Если для дынь она

составляет 90 миллиграммов на килограмм, то для огурцов — 400. Получается, в огурцах интраты в четыре с лишним раза безвреднее.

В последнее время недовольство и подозрительность покупателей

	И	В	Н	П	Р-М	О
1. «Мелиоратор»	21	13	1	37	19	27
2. «Онбахор»	19	11	3	28	15	27
3. «Нефтехим»	21	11	4	29	20	26
4. «Трантор»	21	10	9	25	13	24
5. «Амур»	17	10	3	16	11	23
6. «Иртыш»	21	8	7	20	15	23
7. «Целинник»	21	9	4	23	17	22
8. «Спартак»	20	7	8	23	25	19
9. «Вахш»	20	6	7	19	25	19
10. «Шахтер»	21	6	7	19	25	19
11. «Согдiana»	21	6	7	19	25	19
12. «Динамо»	21	8	2	22	30	16
13. «Локомотив»	21	7	4	21	25	16
14. «Алтай»	21	5	10	22	25	16
15. «Зенит»	21	6	10	24	25	16
16. «Копетдаг»	20	6	9	18	20	16
17. «Автомобилист»	19	5	9	18	20	16
18. «Кайсар»	21	5	6	19	20	16
19. «Сурхан»	20	5	10	15	27	15
20. «Зарифшан»	20	4	7	9	17	30
21. «Спартак»	17	3	11	17	25	9

В порядке занятых мест команды представляют такие города: Чимкент, Находка, Наманган, Экибастуз, Фергану, Павлодар, Благовещенск, Целиноград, Ош, Ташкент, Самарканд, Кызылорда, Таскент, Ашхабад, Ашхабад, Коканд, Кызылорда, Терmez, Навои, Андижан.

Много спорили в прошлом году о создании во второй лиге чемпионата страны по футболу «буферных» зон. И большинство из них аргументы. Хотя и судить было непросто по матчам игр.

А в Юбилейном рынке мы попадаем в почти криминальную историю. Види, что Анна Дмитриевна направляется в сторону расположившихся табором продавцов арбузов из Азербайджана, работники миско-контрольной станции начинают волноваться: «Да вы у тех не спрашивайте, давайте лучше вот с атыми, поговорим». Азербайджанцы встречают санэпидстанцию без энтузиазма и даже враждебностью. Документов на товары никаких. «Нам директор разрешил», — машинально бросают они. Директорский кабинет оказывается запертым на все замки, однако его хозяин, В. Жареневич, не удается ускользнуть незамеченным. Правда, встретиться нам так и не удалось: директор знает все ходы-выходы вверенного ему предприятия лучше, чем мы. Справиться с физически хорошо подготовленными продавцами нам все равно бы не удалось. Когда мы возвращаемся на «поле боя», то находим его опустевшим. Так что нам остается делать выводы только на уровне предложений.

На Юбилейном рынке мы попадаем в почти криминальную историю. Види, что Анна Дмитриевна направляется в сторону расположившихся табором продавцов арбузов из Азербайджана, работники миско-контрольной станции начинают волноваться: «Да вы у тех не спрашивайте, давайте лучше вот с атыми, поговорим». Азербайджанцы встречают санэпидстанцию без энтузиазма и даже враждебностью. Документов на товары никаких. «Нам директор разрешил», — машинально бросают они. Директорский кабинет оказывается запертым на все замки, однако его хозяин, В. Жареневич, не удается ускользнуть незамеченным. Правда, встретиться нам так и не удалось: директор знает все ходы-выходы вверенного ему предприятия лучше, чем мы. Справиться с физически хорошо подготовленными продавцами нам все равно бы не удалось. Когда мы возвращаемся на «поле боя», то находим его опустевшим. Так что нам остается делать выводы только на уровне предложений.

На Юбилейном рынке мы попадаем в почти криминальную историю. Види, что Анна Дмитриевна направляется в сторону расположившихся табором продавцов арбузов из Азербайджана, работники миско-контрольной станции начинают волноваться: «Да вы у тех не спрашивайте, давайте лучше вот с атыми, поговорим». Азербайджанцы встречают санэпидстанцию без энтузиазма и даже враждебностью. Документов на товары никаких. «Нам директор разрешил», — машинально бросают они. Директорский кабинет оказывается запертым на все замки, однако его хозяин, В. Жареневич, не удается ускользнуть незамеченным. Правда, встретиться нам так и не удалось: директор знает все ходы-выходы вверенного ему предприятия лучше, чем мы. Справиться с физически хорошо подготовленными продавцами нам все равно бы не удалось. Когда мы возвращаемся на «поле боя», то находим его опустевшим. Так что нам остается делать выводы только на уровне предложений.

На Юбилейном рынке мы попадаем в почти криминальную историю. Види, что Анна Дмитриевна направляется в сторону расположившихся табором продавцов арбузов из Азербайджана, работники миско-контрольной станции начинают волноваться: «Да вы у тех не спрашивайте, давайте лучше вот с атыми, поговорим». Азербайджанцы встречают санэпидстанцию без энтузиазма и даже враждебностью. Документов на товары никаких. «Нам директор разрешил», — машинально бросают они. Директорский кабинет оказывается запертым на все замки, однако его хозяин, В. Жареневич, не удается ускользнуть незамеченным. Правда, встретиться нам так и не удалось: директор знает все ходы-выходы вверенного ему предприятия лучше, чем мы. Справиться с физически хорошо подготовленными продавцами нам все равно бы не удалось. Когда мы возвращаемся на «поле боя», то находим его опустевшим. Так что нам остается делать выводы только на уровне предложений.

На Юбилейном рынке мы попадаем в почти криминальную историю. Види, что Анна Дмитриевна направляется в сторону расположившихся табором продавцов арбузов из Азербайджана, работники миско-контрольной станции начинают волноваться: «Да вы у тех не спрашивайте, давайте лучше вот с атыми, поговорим». Азербайджанцы встречают санэпидстанцию без энтузиазма и даже враждебностью. Документов на товары никаких. «Нам директор разрешил», — машинально бросают они. Директорский кабинет оказывается запертым на все замки, однако его хозяин, В. Жареневич, не удается ускользнуть незамеченным. Правда, встретиться нам так и не удалось: директор знает все ходы-выходы вверенного ему предприятия лучше, чем мы. Справиться с физически хорошо подготовленными продавцами нам все равно бы не удалось. Когда мы возвращаемся на «поле боя», то находим его опустевшим. Так что нам остается делать выводы только на уровне предложений.